

Шаталова (урожд. Филатова) Александра Ивановна

Несколько мгновений жизни Филатовых, высланных в годы коллективизации из Новосибирской области в Томскую.

Деревня Большая Черемшанка Колыванского района Новосибирской области находится примерно в 30 км от Чика, между Воробьёво и Тырышкино. Через деревню протекала речка Ояш, в те годы широкая. Церкви в Черемшанке не было, а вот в Тырышкино – красивая, на горке, издалека видно. Туда мы и ходили.

Наши дед и бабка переселились в Новосибирскую область из-под Москвы: там земли на одну душу давали всего сажень в ширину и 5 сажений в длину (сажень равняется 2м 13 см). А здесь-то её не меряно! Деда звали Григорий Антонович, а бабушку не помню как.

Иван Григорьевич, мой отец – сын Прасковьи Фёдоровны от первого брака. Когда служил в армии, подписывался: «Филатов, он же Тришин». Постепенно фамилия Тришин отпала. Грамотные люди говорили, что если бы он хлопотал, его не сослали бы по линии Тришиных.

Дом у нас, 4-й с краю, если от Тырышкино, крестовый, с железной зеленой крышей, на высоком месте: рядом залив, русло, подальше мельница, гора, влево кладбище – все в березах. Березник тянулся в сторону Воробьёво к Колывани. Чисто, бело, березы толстенные (на этом кладбище похоронена моя сестра). Огород выходил к реке, туда же и землянка огромная, а заезжали в неё со стороны двора. В землянке лошадей чистили. Двор большущий: сарай, завозня. В сарае хранились хомуты, сани, телеги, ларь с мукой. Он из досок был сколочен, и все равно крысы прогрызали.

Завозня – это большой, крытый и забранный досками сарай с воротами. Там стояли бочки с салом, лён, шерсть. А еще большой чан, в нем солили окорока, много, может, по 30 штук. Рядом с завозней – конюшня, тоже под крышей. Здесь же яму вырыли, куда потом прятали зерно от красных, Никто и не догадывался; лошади все затопчут, ничего не видно.

Скотины держали много. Да ещё покупали. Мастера были кожи выделывать. Бывало дядя Митя возьмёт книгу: «Санька, айда!» А я рада-радешенька, накину шубейку и с ним в завод, где кожи делали. Он читает, а я слушаю-слушаю да усну в тепле. Хорошо запомнила сказку «Снежная королева», как девочка брата искала, руки замерзли.

Кожи сначала отмачивали в золе, потом закладывали в чан с известью. Доставали оттуда длинными щипцами – и на горбыль, отбивали, мыли и уж после этого в чан с дубовой корой. Потом снова мыли и выбрасывали на мороз. (На сыромять шла кожа без дубления). Собака сторожила, но всё равно воровали.

Дома ели все за одним столом – хозяева и работники (были наемные и один постоянный, поляк Миша, красивый 18-летний парень). Бывало, утром пекут пироги с осердием, большие, пышные – начинки по 2-3 ложки да тесто. Жаровня здоровая, её на стол – пироги прямо оттуда. И с чаем. А к обеду мясо в чугунице варили. Кости нам, ребятишкам, а мясо растеребят и в суп. В бульон часто бросали капусту с картошкой – наваристо, вкусно. Хлебали все из одной большой чашки. Сначала жижку, а как дед скажет: «Можно и мясо», так и начнут все подцеплять. Кто похитрее да понахальнее, не ждал команды, раньше подхватывал.

Помню в деревне фамилии Ботвиных, Иванниковых (сын Матвей у них постарше меня и Володи, примерно с 1910 года). Ещё Беловы, Яценко Дмитрий Иванович, Иван Иванович и Афанасий Антонович; Дороховы, Коновалов (мельник), Данилины Иван и Катя, Березины Мария Михайловна и Дмитрий, Турукины Дмитрий и...не помню имя жены, Петухова Наталья, Капранова Клавдия Ивановна, Власова Мария Гурьяновна. В логу жили Филимоновы. Рядом с нами жили Шатиловы, Николай Иванович и...не помню опять жену, у них был сын Саша. Мой ровесник. Через дом от нас Дурневы, Матвей и...забыла, как жену звали.

Однажды жена Матвея украла у кого-то шёлковый платок, ну бабёнку и наказали: платок привязали на шест и ведут её по деревне. Позо-ор.

Мы часто бегали к Захаровым. Ребятишек у них много, человек 5-6, а жрать нечего: огород лебедой зарастал. Лежим-лежим у них на печке, а пыли – в палец. Они и говорят: «Санька, принеси хлеба». Бегу домой, прошу у бабушки или мамы (деда боялись). «Кому?» - «Захаровым. Ребятишки есть хотят». Она отрежет полбуханки, а булки-то большые были. Я в маминой шубейке, спрячу – и айда! Они кашу пшённую варили на воде – рассыпчатая, у нас не такая вкусная была. А они без масла – и подумай-ка, вкуснее каши не едала. Зальют молоком, и мы с хлебом наворачиваем. Они-то от голода, а я с жиру. Поворовала я у бабы Арины печенья да карамелек для них. Старики загуляют, а я надену шубейку мамину красную, пойду в кладовку, напихаю по карманам – и к соседям. А ещё мы готовили серу на продажу, комки большие. Я потаскивала да угощала, вся деревня жевала нашу серу.

Сильно много было волков. Мы боялись одни на двор ходить, просили маму проводить. Они сидят на том берегу, глаза, как огоньки. Воют. А собаки надрываются. Один раз чуть не задрали парня Никитку, он вёз три мешка муки с мельницы; бросил волкам один мешок – разорвали, другой, третий, потом тулуп – не отстают. Да ладно до дома своего добрался.

Я девчущечкой была, боронила с ним в полях, там и ночевали. Ляжем спать, он обнимет меня. Мне 7 лет, ему 18. Ничего. Пойдёт за конями: «Вари, Санька!» И ведь варила. Раз ушёл путать лошадей на ночь, я чего-то испугалась, орала, наверно, за сто километров было слышно. Бежит испуганный: «Санька, ты чего?» - «Боюсь». Успокоил: «Завтра домой» (пятница была). Едем. Лога кругом, всё в цветах – огоньки. А деревня как-то по-новому выглядит – неделю дома не была. Позже, уже в Анжерке спросила у матери: «Как вы не боялись оставлять меня с ним?» - «Я не хозяйка была».

Помню случай. Дед посадил Валю, сестру, на телегу, поехали в поле молотить (за кладбищем). Стали спускаться через бревенчатый мостик, а навстречу мужик на жеребце – разъехаться не могут. Кобыла с телегой свалилась в реку, Валя тоже. Руку сломала. Вытащили её и повезли в поле (почему-то не домой), положили под куст, она плачет.

Колыванское восстание.

Когда началось Колыванское восстание, мы прятались в подполье. Места много, дом-то большой. Перины туда, подушки. А дед наш скамеечку на притвор – и сидит себе-посиживает. В деревнях мобилизовали мужиков, Из нашей тоже большой обоз набрали, всех повезли на телегах в Колывань. Дядю Митю тоже призвали, хоть ещё и молодой был, мальчишка. И вот едет он с поляком Мишей в конце обоза, а лошадь отстаёт и отстаёт, далеко уже от обоза. Миша и предложил спрятаться. Повернули они назад. Дед с бабкой укрыли Мишу. Когда все утихло, он так и остался у нас в работниках. Позже работал в Новосибирске, по рекам ходил на судах. Приезжал к нам, мыло мне земляничное привёз в гостинец – ароматное-ароматное. Женился в Новосибирске. Жена закрутила роман с кем-то, Мишу убили. Поговаривали, что жена с любовником.

Во время этого восстания у нас пряталась одна женщина - коммунистка. Землянка-то большущая, заезд в неё был со двора. Там она и хоронилась от белых. А когда потом красные начали расстреливать повстанцев и сочувствующих, она спасла от гибели папу и деда: «Филатовы не виноваты, с белыми не были. Они меня прятали»

Власть менялась часто, не знаешь, кому молиться. Красные пришли, всех мобилизованных погнали этапом до Тырышкино, к церкви. Много мужиков согнали, расстреливали на берегу речки, Они так и падали с берега. Один мужик снял с себя рубаху, положил рядом на землю и сказал сыну: «Вот тебе на память от меня». Бух! И он свалился с обрыва. А сын его, немой парень, тут в толпе стоял.

Был еще Лёшка Табатчиков, он сочувствовал белым. Его арестовали и повели в березник. Выстрелили, он упал в приготовленную яму. Те видят – не шевелится. «Хватит патроны тратить, так подохнет» - и ушли. А Лёшка очнулся, выбрался из ямы да приполз к Артамоновым. Они из Парижа бежали во время коммуны, богатые были. Кое-что попрятали, посуду, например, в печь замазали – и в Россию. Прижились у нас. Так вот Лёшка к ним в баню и забрался, вытащил из большущей ванны хозяйскую одежду, натянул на себя и сидит, дрожит весь. Хозяйка Шура пошла в баню, а там он. Испугалась, бежит к мужу: «Миша, там чужой кто-то в бане!» Вот и прятали Лёшку Табатчикова, пока всё не утихло. А Шура

Артамонова, жена Михаила, скончалась вскоре после родов: кто-то ехал к ним, она увидела, сильно испугалась и умерла. Всего боялись.

Дядя Митя женился на Лене Ткачёвой из Тырышкино. Первый их сынок Толя умер во младенчестве. Ткачёвы жили богато. Певуны.

Ох и работал дядя Митя! Бывало, пот градом, а он в шляпе, без рубахи, в полосатых штанах знай машет литовкой или вилами. Работающий и мастеровой был.

Раскулачивание.

Нагрянуло раскулачивание. Нас выгнали из дома. Но поля засевали, урожай собирали. Какие дураки были: ключ от амбара Фёдору Парамоновичу отдавали (он из России приехал, его около нас поселили). Намолотим, свезём в амбар и снова в поле. А ключ у Фёдора Парамоновича - не знали, куда спрятать. Запас он нашего зерна, сколько хотел. Год мы жили у тёти Надежды, потом нас позвали к себе Беловы.

В наш дом перевели школу из двухэтажного дома, стоявшего на берегу реки. Там она размещалась на втором этаже, а на первом столовая. Но недолго здесь находилась.

После раскулачивания мы нищенствовали, недоедали. Володя все больше спал от голода, Потом стал ходить к одному мужчине по прозвищу Цеза (я запомнила его длинные усы), тот делал ведра. Цеза жалел Филатовых. Однажды посоветовал Володе украсть железа с крыльца нашего дома, оно было некрашеное. И вот я и Володя ночью пошли воровать. Страху натерпелись, но сняли. Цеза сделал ведра и продал, купили конины – тем и спаслись.

Дядя Митя с Фёдором Ивановичем набрали сетей, ружья – и в Галку, это от Новосибирска километров 170. В Галке уже были расселены сосланные из Тырышкино: «Собирайтесь-ка вы домой. Какая рыба!» Они на коней и назад. А дома Лену с мамой таскают: «Где мужики?» Вот и посадили в тюрьму обоих, несколько месяцев сидели. Дядя Митя привёз оттуда песню:

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.
-Передайте передачу.
А то люди говорят,
Что в тюрьме всех заключённых
Сильно с голоду моят.
А привратник усмехнулся:
-Ваш сыночек осуждён.
Осуждён прошедшей ночью,
На покой уложен он.
Его четверо стреляли
У тюремной у стены.
Когда приговор читали,
Знали звёздочки одни.

Высылка.

1 мая 1931 года папу и дядю Митю с семьями выселили из Черемшанки. Сначала повезли на лошадях до Новосибирска. Баба Арина узнала, вышла за город и ждала нас. Видим, комочек какой-то на дороге (она полной была и маленькой). Ближе, ближе. Упадёт-встанет: «Да это же бабушка!» Она была с нами до самой милиции. Там начали строить семьями: «А ты, бабка, чья? Вставай!» Мы в слёзы: «Уходи, а то и тебя заберут».

Устроили нас в горно кирзавода. Горно (горн) – большая печь, где обжигали кирпич. Через 2 ночи погнали этапом. С собой разрешили только 25 кг. Детей с родителями погрузили на машины, остальные пешком. Конвоировали ночью, чтоб никто не видел. Привели в 12 часов ночи в затон, загнали на баржу. В сутолоке потерялась мама. Мы сильно кричали, искали её. Нашли. Баржа старая, сухая; скрип-скрип. Володя внизу больной. «Девчонки, Володя умирает, идите к нему»,- говорит мама. Привезли в Баранаково, а там – на 7 км палатки с такими же. Есть нечего. Пожили в голоде. Потом катерочком по Оби, по Чае до Усть-Бакчара. Долго ждали, когда галкинцы заберут нас. Приехали за нами тоже

ссылки, из Тырышкино. Земляки! Лошади дохлые. Везут-везут. Бросят. С 1 мая по август добирались до Светло-Зелёного. Оставили нас здесь. В Красноярске жили в своих домах Доронины (в Шлапаковом углу) и ещё 3-4 семьи кержаков. Посёлок тянулся до Комаровки и Болотовки. Мы принялись устраивать землянки. Я и Лена, жена дяди Мити, выкопали яму, поставили столбики, между ними жерди, накат на крышу, дёрн. К нам все и повалили.

Первые годы в ссылке.

Расселяли сотнями, папа был сотенным; Синякин районным (а позже председателем колхоза). Дали нам рожь сеять. Все люди свою съели, а папа нам не дал. Пошёл к кержакам Дорониным, купил 1 га паровой земли за 18 рублей да дядя Митя 0,5 га под Высоким Яром. Поле это так и стали называть – Филатовское. Купили на еду лошадь, но успели на ней пары обработать. Валя боронила.

Есть нечего. Котёл на 4-5 литров, болтушку сделали (2-3 ложки муки на котёл воды). Бежит Лена Филатова: «Иван Григорьевич, за шубу зерно продают!» Папа котёл бросил и с шубой за зерном. А мы как зверята набросились на болтушку. Папа пошёл на поле, доборонил, а мама квашню поставила и лепёшек настряпала.

Рожь уродилась высоченная. Жать не умели, наняли Шаталовых. Кержаки дали машину обмолотить. Зажили маленько. А другие маялись. Отец Сашки Инютина наелся мякины и умер. «Да ты же умрёшь,»- пробовал остановить его папа. «Ой, Иван Григорьевич, есть охота».

Пришёл к нам Кузовкин, а у нас кожа выквашенная висит. Он её жуёт: «Сильно есть охота». Натерпелись. Убегали. И я хотела с дедом и бабкой через Галку, займище, где все тонули. Папа отговорил. Деда с бабкой поймали. «Вот и тебе бы то!» Сколько утонуло там! Бездонные болота. До Новосибирска 150 километров, а пройти невозможно.

Я крепкая была, папа толкал меня везде – сотенный. На молотье снопы подавала на стол, а они так и летали. Работала споро, азартно. Синякин Савелий Михайлович с комендантом стоят, наблюдают. Я раскраснелась, руки со снопами мелькают. «Чья это дивчина? Я её не видел.» - «Это сестра Володи Филатова». – «А я и не знал, что у него такая расторопная сестра».

Из Чика сосланы Сапрыкины, Дубовицкие, Шура Филатова, жена Володи. Много хороших людей пострадало. Были и такие, кто попал случайно. Федю Гарасюта и Сеню Жаринова схватили, по-видимому, с целью перевыполнения плана раскулачивания. Они пошли в город (плохо сильно жили в деревне), Сеня уже на работу устроился, место в общежитии получил и постель. Да ни одной ноченьки не ночевал: попал в облаву. Гнали вместе с преступниками. В сутки давали стакан воды и кусочек хлеба. «Пить хотели. Приловчились в бане рубаху какую-нибудь намочить, а на этапе выжимали и пили эту воду»,-рассказывали они. Хорошие были парни. Сеня потом на войне погиб.

Коней в Бакчар на баржах везли, они оголодали, бьются об стенки головой, дышат. Комендант велел сжигать. А жрать нечего, люди резали на части и ели. Вонь – не подойти. Мы, правда, не ели пропастину. Собак в деревне не было – чем кормить?

Неудавшееся восстание белых.

В первые годы нашей ссылки белые готовили восстание. Стреляли часто. Раз мы – я, Лена Филатова и Дмитрий Мальцев косили на кульстане сено для лошади. Слышим: по дороге цок-цок. Конники. Я хотела бежать. «Как косила, так и коси!» - одернул Дмитрий. Вот мы и машем литовками. Они постояли, пальнули вверх и умчались.

В другой раз я топила баню, уже закрыла, домой собралась. Слышу: бах! бах! Это конники к комендатуре. А там паёк раздадут – муку; мужики с мешочками стоят. Расступились. Комендант за речку побежал, Доронины (охотники были) – за ним. Я домой со всех ног. «Ты куда, девочка?» - «Домой». Хорошо помню: бредёт лошадь, на телеге раненый из белых, голова туда-сюда. В сторону Высокого Яра поехали.

Как-то сидела я на черёмухе. Началась пальба, я с неё бухнулась со страху. Прибежала в палатку к себе. Мама и Володя лежат, Володя болел. «Побегу к Парбигу, спрячусь в кустах».-«Сиди!»- цикнула мама. Потом узнали, что Попова у речки и подстрелили, там, где

я хотела отсидеться. Все боялись подойти, умер он без помощи. Осенью нашли его труп в лаптях.

В Усть-Бакчаре кто-то из сельсовета давал справки «агитаторам», те ходили по деревням и агитировали выступить против красных. В Светло-зелёное отряд повстанцев пришёл со стороны Комаровки. Сигнали мужиков из палаток – и на Высокий Яр. Дошли до моста, а навстречу красные из местных, Тут и постреляли. Синякина Савелия Михайловича да Дмитрия Мальцева в тюрьме держали, морили: хлеба в сутки давали со спичечный коробок (Мальцев Дмитрий черемшанский, его мельница стояла ниже нашей по реке Ояш, в сторону Тырышкино.) Папа успел схорониться. Головачиха наткнулась на него. Не боялась, лазила по кустам, собирала, что попадётся – кормить-то ребятешек надо. Услышала покашливание, пришла к маме: «Фёдоровна, там в кустах, наверно, Иван Григорьевич ххыкает».

Дядю Митю эти события миновали, он работал на Усть-Бакчаре, бараки строил. Хлеб им на моторках завозили. Дядя Митя вернулся оттуда худой как скелет, обовшивленный, ноги обмотаны половичком и подвязаны верёвкой. Его сразу же раздели догола, в палатку в этой одежде и не входил. Лена ему не раз в день баню топила, всё равно вши мучили.

Баня большая была, из пластов. Строили всей сотней, кто мог, тот и копал. Обложили её пластами, чугуна натаскали. Вода рядом, в Парбиге.

Тётя Лена уже больная лежала, и кто-то наболтал, что дядя Митя к Носиковой похаживает. Лена сильно возмутилась: «Если женишься на ней после моей смерти, не дам тебе покоя, во сне приду. Вот на Клаше Лисовой женись». Она чувствовала, когда придёт смерть. «Умру на спожинки». Так и случилось. Мы на крыше спали, я, Шура (сын Лены и дяди Мити) и сестра Валя. Она спустилась вниз и быстро вернулась, шепчет: «Санька, не говори Шура, тётя Лена умерла». Он услышал и бегом туда. Сильно плакал.

На кульстане спали все вместе: я, Клаша, дядя Митя. Ляжем, а они «гур-гур». Я не прислушиваюсь, о чём они, зачем мне. А потом объявил: «Клашу приведу». А куда? Домишко маленький. Ну мы им кровать освободили, а сами на полу, на печке, кто где.

Недавно во сне видела Лену и Клашу, они рядышком стояли. Мои любимые, они дружны там, меня, наверно, поджидают. Скоро-скоро прибуду.

« А жизнь продолжается»

Когда успокоилось всё, молодёжь затабунилась. Синякин, председатель колхоза, гонял нас, не давал собираться. Потихоньку уйдём в Морозов угол и сидим. Колхоз купил патефон, всё время гоняли пластинку «От избы и до избы». Синякин уснёт, а Шурка Сизиков, счетовод, откроет контору, и мы по всей ноченьки под патефон гарцуем. Вера Радушкина плакала по Косте Сизикову, Колькиному брату. Он выучился на счетовода и уехал.

Ну а как посвободнее стало, ходили по деревне и орали частушки. Я дружила с Мишей Недобугой, а Прохор Доронин с Катей.

«Мама баню затопила,
Повалил кудрявый дым.
Прохор Катьку провожает
Под тулупом под худым» - пел Мишка.

У него-то тулуп был новый. А мода была такая: парень обнимет и тулуп накинёт на плечи девчонке. Я пела:

«Потеряла я иголку,
Она у меня остра.
Недобуга длинный, тонкий,
А Санюха толста».

Прошляемся ночь, а утром на работу. И хоть бы что!
Групповодом у нас был отец Груни Дубовицкой, очень хороший человек. Колотим лён, а неохота (девчонкам по 14-16 лет). Он с нами по-доброму: «Девчонки, давайте работать». Только отвернётся, мы убежим. И он нас не наказывал. Жалел, наверно.

Часто приходит на ум Ульяна Головач. Придумщица. Идём в поле я, она, Наташа Ломова (Гарасюта), Самохина. Ульяна скамандует: «Стойте!» Мы вокруг неё, а она: «Сейчас-сейчас. Так:

«Эта торная дорога
На три части колется.
За Филипповым Андреем
Десять девок гонятся».

Просмеивает, Андрей у девок был не на моде. Только Нюра и хвалила его. Все частушки в деревне Головачихины.

В войну.

Я с мужем только 7 лет и прожила, в 42-м забрали, я беременная осталась. Никакого отдыха не знали: в лес и в лес. Бабы жалеют нас: пила, топор, по пояс в снегу. Идём, а одежда застыла, шур-шур. Послали меня и Таню валить. Выбрали мы ёлку, подпилили, а она не падает. Вырубил тычины, начали пихать, кое-как упала. Сели на пенёк и ревём: «За что маемся? Мужиков там порешили, а нас здесь». На обед у меня кусок хлеба, а у Тани ничего. Делю пополам. Ни она не насытилась, ни я. У Тани двое детей, голодные, варить не в чем – от трактора какая-то железка. У меня-то хоть два чугуночка. Ребятишки танины разведут на шестке огонь и варят что-то в черепашке. Никто не помог. Осенью я возила капусту с полей в склад. Наложу на телегу так, чтобы легко спихнуть. Еду, ногой брык – вилки покатытся, а танины ребятишки схватят и домой. Вилка 3-4 за один рейс, а за день 2-3 рейса делаю. Наверно, потому и даёт Бог до сих пор, что сама делилась.

Сегодня.

А болит всё, ни рукой, ни ногой не шевельнуть, кишки режет - моченьки никакой. Как же не быть им надорванным, если я с 7 лет уже снопы на стол подавала, папа в молотилку, а дядя Митя только успевал солому отгребать. Я кроме топора да лопаты ничего в жизни не видела. 3 рубля раз потеряла, так чуть с ума не сошла. Раздумаюсь, ох и давно живу – с революции. Мало хорошего было, сейчас вот только и пришла радость, да жить некогда. Какое счастье, что у дяди Мити и тёти Клаши замечательные дети. И моя дочь – моё утешение. Дай ей Бог здоровья и вам всем.